

**ЮРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ТЫНЯНОВ**

т. 18. 1928-

Т. Веприк

Юркович

Юрий Тынянов родился 18 октября 1894 года в уездном городе Режица в Витебской губернии.

Юрий Тынянов писал в своей автобиографии: «Я родился в октябре 1894 года, в городе Режице, Витебской губернии. Отец — врач. Город был небольшой, холмистый, очень разный. В городе были на холме — развалины Ливонского замка, внизу — еврейские переулки, а за речкой — раскольничий скит. Староверы были похожи на суриковских стрельцов. Женщины ходили в ярких шубах, от которых снег горел...

Юрий Тынянов с сестрой

Я был легковерен до крайности. Как-то дядя учинил со мною опыт: я ложился спать, он положил мне под подушку яблоко и сказал, что завтра будет два. Назавтра я нашел под подушкой два яблока. Я поверил в это, как в самое обыкновенное и радостное, чуть не научное явление. Отец возмутился. Я смело положил яблоко под подушку. День, когда я проснулся и нашел все то же яблоко, я долго помнил: весь мир стал хуже.

г. Рѣжица. Вит. г. На берегу р. Рѣжицы.

Рѣжица — Rójtisa № 12.
Городъ и р. Рѣжица.

Отец любил литературу, больше всех писателей — Салтыкова. Горький потрясал тогда читателей. Сам я читал все, что попадалось. Любимой книгой было издание Сытина с красной картинкой на обложке: «Ермак Тимофеевич и славный атаман Иван Кольцо». И еще — «Ламермурская невеста». Мне было не более семи лет, когда я впервые увидел синематограф. Картина была о французской революции. Розовая она была, вся в трещинах и дырах. Очень поразила. Любимый поэт моего детства — Некрасов, и притом не детские, петербургские вещи — «В больнице». Из Пушкина в детстве был странный выбор: «Черна как галка», «Длинный Фирс играет в эти, Те-те-те и те-те-те». И совсем особняком, тоже рано, «Песнь о вещем Олеге». Над прощанием князя с конем и над концом всегда плакал...».

В 1904 году семья Тыняновых переехала в Псков, где Юрий Тынянов был принят в Псковскую гимназию. Там среди его одноклассников и друзей были Лев Зильбер, Август Летавет, Ян Озолин и Борис Лепорский.

Тынянов рассказывал: «Девяти лет поступил в Псковскую гимназию, и Псков стал для меня полуродным городом. Большую часть времени проводил с товарищами на стене, охранявшей Псков от Стефана Батория, в лодке на реке Великой,

которую и теперь помню и люблю. Первая книга, купленная мною в первом классе за полтинник, была «Железная маска» в одиннадцати выпусках. Первый давался бесплатно. Был ею взволнован, как никогда позже никакой литературой: «Воры и мошенники Парижа! Перед вами Людовик-Доминик Картуш!» Ходил в приезжий цирк Ферони и влюбился в наездницу. Боялся, что цирк прогорит и уедет, и молил бога, чтобы у цирка были полные сборы. Гимназия была старозаветная, вроде развалившейся бурсы. И, правда, среди старых учителей были еще бурсаки.

В городе враждовали окраины: Запсковье и Завеличье. В гимназии то и дело слышалось: «Ты наших, запсковских, не трогай», «Ты наших, завелициих, не трогай». В первые два года моей гимназии были еще кулачные бои между Запсковьем и Завеличьем. За монеты, зажатые в рукавицы, били обе стороны — и Запсковье и Завеличье.

Мы играли в козаты (бабки). У нас были известные игроки; у них в карманах было пар по десять козатов, а битки всегда налиты свинцом. Играли и в ножичек. Главным зрелищем была ярмарка — в феврале или марте. Перед балаганом играли на открытой площадке в глиняные дудочки: «Чудный месяц плывет над рекою»... В гимназии у меня были странные друзья: я был одним из первых учеников, а дружил с последними. Мои друзья, почти все, гимназии не кончили: их выгоняли за «громкое поведение и тихие успехи»...

Юрий Тынянов окончил гимназию в 1912 году с серебряной медалью, и в этом же году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где занимался в пушкинском семинаре С. Венгерова, слушал лекции А. Шахматова и И. Бодуэна де Куртене.

Среди его товарищей по университету были М. Азадовский, Ю. Оксман и Н. Яковлев.

Тынянов рассказывал: «В 1912 году я поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет, славяно-русское отделение. Университет испугал меня обширностью коридора, расписанием занятий и многочисленностью аудиторий. Я тыкался в аудитории наугад. Теперь я не жалею об этом. Я слышал вступительные и другие лекции: биолога Догеля, химика Чугаева, а в физическом институте, во дворе — физика Боргмана... На своем отделении больше всего занимался у Венгерова, который был старым литератором, а не казенным профессором и любил вспоминать про свои встречи с Тургеневым. Его пушкинский семинарий был скорее литературным обществом, чем студенческими занятиями! Там спорили обо всем: спорили о сюжете, стихе. Казенного порядка не было. Руководитель с седой бородой вмешивался в споры, как юноша, и всем интересовался. Пушкинисты были такие же, как теперь,— малые дела, смешки, большое высокомерие. Они изучали не Пушкина, а пушкиноведение. Я стал изучать Грибоедова — и испугался, как его не понимают и как не похоже все, что написано Грибоедовым, на все, что написано о нем историками литературы (все это остается еще и теперь).

Прочел доклад о Кюхельбекере. Венгеров оживился. Захлопал. Так началась моя работа. Больше всего я был не согласен с установившимися оценками. Я сказал руководителю, что Сальери у Пушкина похож на

Катенина. Он мне ответил: «Сальери талантлив, а Катенин был бездарен». Он научил нас работать над документами, рукописями. У него были снимки со всех пушкинских рукописей Румянцевского музея. Он давал их изучать каждому, кто хотел...».

Первыми научными работами Тынянова стали доклад «Литературный источник «Смерти поэта» и доклад о пушкинском «Каменном госте». В студенческие годы им также была написана большая работа о Вильгельме Кюхельбекере, рукопись которой не сохранилась.

Юрий Тынянов, Лев Зильбер, Август Летавет. 1915

В 1916 году Юрий Тынянов женился на сестре своего товарища по псковской гимназии Льва Зильбера (родного брата Вениамина Каверина) — Елене. Вскоре у молодоженов родилась дочь, названная Инной. После окончания университета в 1918 году Тынянов был оставлен Семеном Венгеровым при кафедре русской литературы для продолжения научной работы.

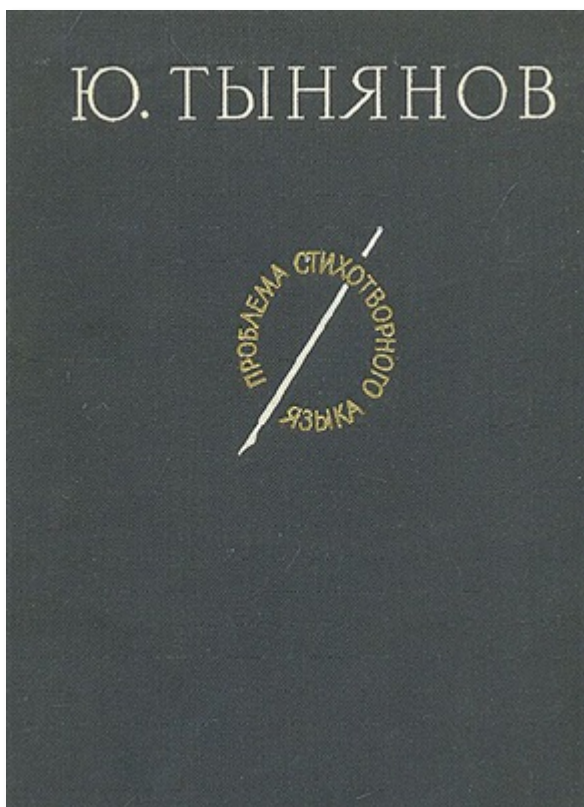
Тынянов рассказывал: «Я был оставлен Венгеровым при университете, потом читал лекции в Институте истории искусств — о том, что больше всего любил и люблю в литературе,— о поэзии, стихах. В 1925 году написал роман о Кюхельбекере. Переход от науки к литературе был вовсе не так прост. Многие ученые считали романы и вообще беллетристику халтурой. Один старый ученый — историк литературы, называл всех, кто интересуется новой литературой, «труляля». Должна была произойти величайшая из всех революций, чтобы пропасть между наукой и литературой исчезла. Моя беллетристика возникла, главным образом, из недовольства историей литературы, которая скользила по общим местам и неясно представляла людей, течения, развитие русской литературы. Такая «вселенская смазь», которую учиняли историки литературы, попирала и произведения старых писателей. Потребность познакомиться с ними поближе и понять глубже — вот чем была для меня беллетристика. Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не выдумкой, а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них. Никогда

писатель не выдумывает ничего более прекрасного и сильного, чем правда. «Выдумка» — случайность, которая не от существа дела, а от художника. И вот, когда нет случайности, а есть необходимость — начинается роман. Но взгляд должен быть много глубже, догадка и решимость много больше, и тогда приходит последнее в искусстве — ощущение подлинной правды: да, так могло быть, так, может быть, было...».

В том же 1918 году Тынянов познакомился с Виктором Шкловским и Борисом Эйхенбаумом, а также вступил в Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), участие в котором сыграло огромную роль в его судьбе, как ученого. С 1921 года он в течение десяти лет преподавал в институте истории искусств, читая лекции о русской поэзии. До 1924 года он совмещал научно-преподавательскую работу со службой в Коминтерне в качестве переводчика, затем работал в Госиздате корректором. Первой опубликованной работой Тынянова стала статья «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», написанная им в 1919 году, и вышедшая в 1921 году отдельным изданием в опоязовской серии «Сборники по теории поэтического языка». Тщательное сопоставление стилистических различий между двумя писателями привело ученого к смелому выводу о том, что принцип «отталкивания» лежит в основе литературного развития и является объективным законом. «Всякая литературная преемственность – есть, прежде всего, борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов», — писал Тынянов в статье «Поэтика. История литературы. Кино». Это положение стало генеральной идеей всей дальнейшей научной работы Тынянова, и фундаментом его теоретической и историко-литературной концепции.

В первой половине 1920-х годов Юрий Тынянов написал ряд работ об Александре Пушкине и литературной борьбе его эпохи. Статьи назывались «Архаисты и Пушкин», «Пушкин и Тютчев» и «Мнимый Пушкин», и в них историческая роль великого поэта раскрывалась по-новому, более конкретно и точно, чем у других авторов. В статьях о Федоре Тютчеве и Николае Некрасове, Александре Блоке и Валерии Брюсове Тыняновым были даны

четкие историко-литературные характеристики поэтов, а также определено их неповторимое своеобразие.

В 1923 году Юрий Тынянов завершил свой главный теоретико-литературоведческий труд, получивший название «Проблема стиховой семантики», изданный в 1924 году отдельной книгой под названием «Проблема стихотворного языка». В этой книге Тыняновым было раскрыто природное различие стиха и прозы, и выявлен специфический смысл «стихового слова».

В статье «Литературный факт», написанной в 1924 году, им был предложен смелый ответ на вопрос «Что такое литература?» («динамическая речевая конструкция»), описана реальная связь художественных явлений с житейскими, показана историческая диалектика взаимодействия «высоких» и «низких» жанров, и стилей. Выступая в периодике как литературный критик, Тынянов сочетал научно-исторический подход с острым ощущением современности, терминологическую лексику с метафоричностью и отточенной афористичностью. В статье «Литературное сегодня» в 1924 году проза начала 1920-х годов была им показана как целостная система, а в статье «Промежуток» в том же году была представлена такая же убедительная панорама поэзии, даны выразительные и емкие характеристики творчества Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Владимира Маяковского и других мастеров стиха. Критические оценки Тынянова были основаны и на пророческой интуиции, и на точных научных критериях, оценивавших творчество современников, которое Тынянов рассматривал в единой системе литературной эволюции.

Ряд заостренно-гиперболических, ироничных журнальных этюдов Тынянова «Записки о западной литературе», «Кино - слово – музыка», «Сокращение штатов», «Журнал, критик, читатель и писатель», подписанных при публикации псевдонимом Ю. Ван-Везен, носил экспериментальный характер. В них Тынянов разрабатывал предельно лаконичную форму свободного, раскрепощенного критического высказывания.

В 1924 году Юрий Тынянов получил заказ от издательства «Кубуч» на написание брошюры о Кюхельбекере. Взявшись за эту работу, Тынянов неожиданно написал в 1925 году за короткий срок роман «Кюхля», положивший начало его писательской судьбе. Воскрешая для современников полузабытого поэта-декабриста, используя при этом обширный фактический материал, Тынянов достиг эмоциональной достоверности благодаря интуитивным догадкам. «Там, где кончается документ, там я начинаю», - определил он позднее в статье для сборника «Как мы пишем» в 1930 году свой способ творческого проникновения в историю. С этого момента Юрий Тынянов начал сочетать научную работу с литературной, все более тяготея к творческой деятельности.

Вопрос о соотношении науки и искусства в работе Тынянова является предметом продолжающихся и по сей день споров. Одни исследователи и мемуаристы говорили об «открытой антиномии» этих двух начал, в частности – П. Антокольский в написанных им «Воспоминаниях о Ю. Тынянове». При этом Борис Эйхенбаум отстаивал положение о неотделимости Тынянова-ученого от Тынянова-художника. Однако, здесь возможен еще один ответ - Тынянов умел бывать и «чистым» ученым, не терпящим беллетризации идей и концепций, и изобретательным художником, свободным от пут жесткой логики. Плюс к этому он умел соединять науку с литературой там, где это было оправданно и эффективно.

В 1926 году Тынянов служил корректором в Гослитиздате. О дальнейшей работе в университете ему нечего было и думать. В то время факультетом руководили почтенные, но весьма консервативные люди, для которых история русской литературы заканчивалась на Жуковском и Пушкине. Тынянова в свою академическую среду они бы не пустили, и именно тогда

произошла решившая многое в его судьбе встреча с Корнеем Чуковским. Вот что Чуковский рассказал об этой встрече на вечере, которым Союз писателей отметил десятилетие со дня смерти Юрия Тынянова: «На Невском, 28, существовал в 1924 году очень неудобный и замызганный клуб при Ленинградском Госиздате, клуб для служащих, и там Юрию Николаевичу случилось прочесть лекцию об «архаисте» Кюхельбекере. Когда мы шли обратно по Невскому и потом по Литейному, Юрий Николаевич так художественно, с таким обилием живописных подробностей рассказал мне трагическую жизнь поэта, так образно представил его отношения к Пушкину, к Рылееву, к Грибоедову, к Пущину, что я довольно наивно и, пожалуй, бестактно воскликнул:

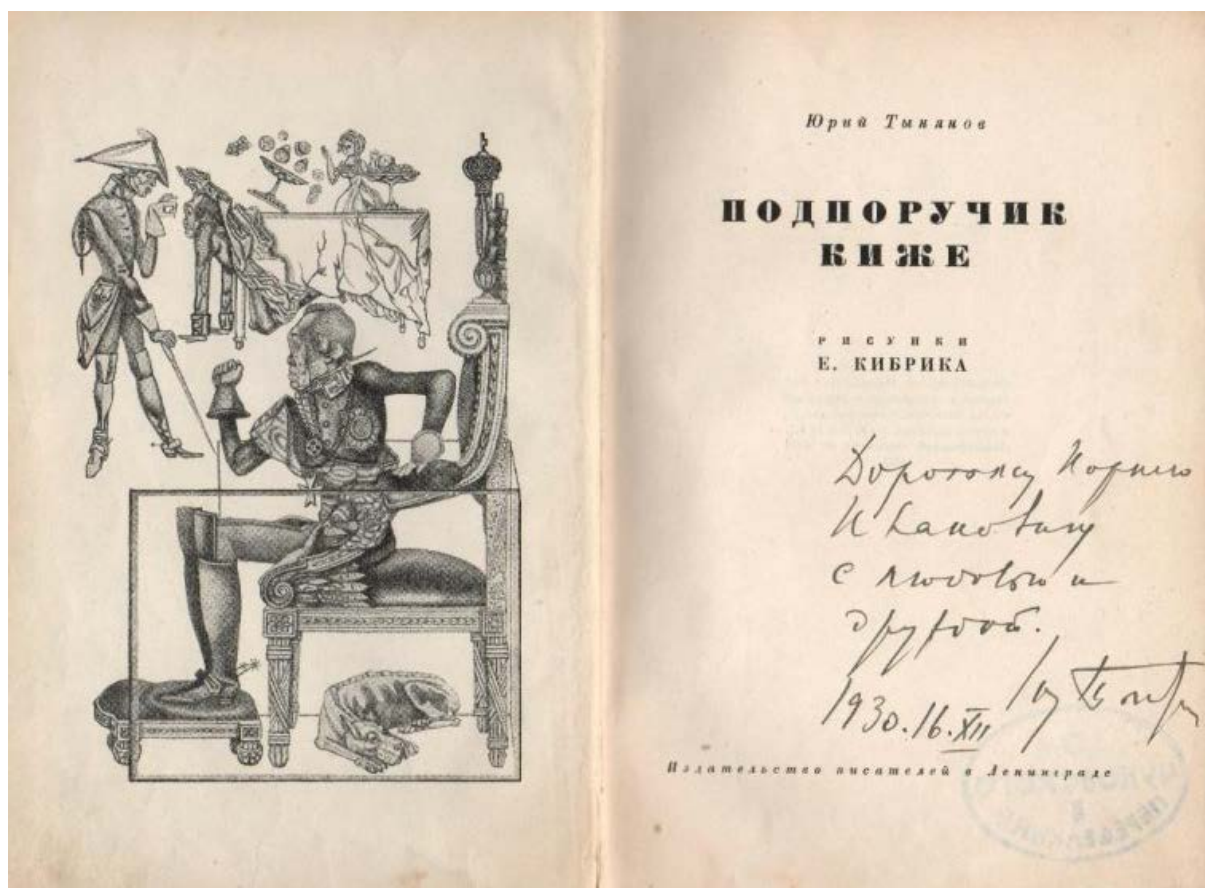
— Почему же вы не рассказали о Кюхле всего этого там, перед аудиторией, в клубе? Ведь это взволновало бы всех. А мне здесь, на улице, вот сейчас, по дороге — рассказали бы то, что говорили им там.

Он насупился. Ему была неприятна мысль, что Тынянов-художник может нанести хоть малейший ущерб Тынянову-ученому, автору теоретических книг и статей.

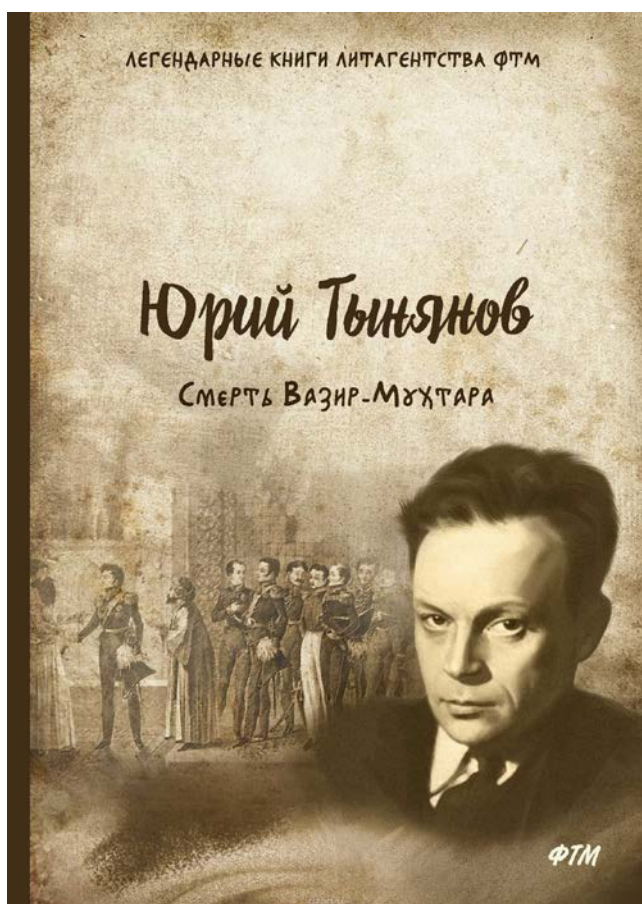
И должно было так случиться, что через несколько дней одно из ленинградских издательств, функционировавшее под загадочным и звонким названием «Кубуч», вздумало издавать детские книжки для среднего и старшего возраста и поручило мне наладить это дело. В список книг, намеченных к изданию, я включил и маленькую тыняновскую книжку о Кюхле,— не больше пяти листов. Предполагалась серия таких биографий. Писать эту книжку Юрий Николаевич согласился с большой неохотой, и, кажется, если бы не бедность, угнетавшая его тогда особенно тяжело, он ни за что не взялся бы за такую работу, которая отвлекала его от научных занятий.

Мы не виделись довольно долгое время — Юрий Николаевич был где-то на юге, но я хорошо помню свое изумление, когда он принес ко мне огромную рукопись «Кюхли», в которой, когда мы подсчитали страницы, оказалось не пять, а девятнадцать листов! Так легко писал он этот свой первый роман, что даже не заметил, что у него написалось четырнадцать лишних листов. Вместо восьмидесяти заказанных ему печатных страниц он, сам того не замечая,

написал больше трехсот, то есть выполнил план, чуть ли не на четыреста процентов. Почти все главы, за исключением двух-трех, были написаны им прямо набело и поразительно быстро. Он почти не справлялся с архивами, так как все они были у него в голове. Своим творческим воображением он, задолго до написания книжки, пережил всю жизнь Кюхельбекера, как свою собственную, органически вжился в ту эпоху, усвоил себе ее стиль, ее язык, ее нравы, и ему не стоило ни малейших усилий заносить на бумагу те картины и образы, которые с юности стали как бы частью его бытия. Впоследствии он всегда вспоминал блаженные эти месяцы, когда им с такой фантастической легкостью — страница за страницей, глава за главою — создавался его первый роман, как счастливейшую пору своей творческой жизни. «Кюхля» — это роман-биография, но, идя по следам главного героя, мы как бы входим в портретную галерею самых дорогих нашему сердцу людей — Пушкина, Грибоедова, Дельвига. Везде чувствуется взгляд самого Кюхельбекера. Подчас, кажется, что он сам рассказывает о себе, и чем скромнее звучит этот голос, тем отчетливее вырисовывается перед нами трагедия декабризма...».

В 1927 году Тынянов закончил писать роман об Александре Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара» - произведение, в котором художественные принципы автора, его взгляд на историю и современность отразились с наибольшей полнотой. Юрий Николаевич не ставил перед собой утилитарно-просветительской цели, и история Вазир-Мухтара отнюдь не являлась элементарной «биографией» Грибоедова. Тынянов в романе часто прибегал к художественной трансформации фактов, строил чисто творческие версии событий, например, описывая любовную интригу Грибоедова с женой Ф.Булгарина. Некоторые беллетристические догадки автора, впрочем, нашли впоследствии документальное подтверждение, а именно - участие русских дезертиров во главе с Самсон-Ханом в битвах с русскими войсками на стороне персов, подстрекательская роль английских дипломатов в разгроме русской миссии.

Однако главное в «Смерти Вазир-Мухтара» – это последовательно развернутое художественное сравнение «века нынешнего» с «веком минувшим», раскрытие вечной ситуации «горя от ума», в которую с неизбежностью попадает в России мыслящий человек. Так, Грибоедов в изображении Тынянова оказывался в трагическом одиночестве, его проект преобразования Кавказа отвергался и правительственными чиновниками, и ссыльным декабристом И. Бурцевым. Власти видели в Грибоедове опасного

вольнодумца, прогрессисты - благополучного дипломата в «позлащенном мундире». Эта драматическая ситуация, безусловно, проецировалась на судьбу самого Тынянова и его единомышленников – они испытывали разочарование в революционных идеалах, видели распад опоязовского

научного круга и невозможность дальнейшего продолжения коллективной работы в условиях идеологического контроля. В 1927 году Тынянов писал Виктору Шкловскому: «Горе от ума у нас уже имеется. Смею это сказать о нас, о трех-четырех людях. Не хватает только кавычек, и в них все дело. Я, кажется, обойдусь без кавычек и поеду прямо в Персию».

Глубокий философский трагизм «Смерти Вазир-Мухтара» обусловил довольно прохладную реакцию критики. «В романе зазвучали ноты, для советской литературы неожиданные. Роман разошелся с одним из важнейших ее устоев советской литературы: с ее категорическим требованием исторического оптимизма» – писал А. Белинков. Непривычным для советского литературного канона было и стилистическое решение романа, и его экспрессивная гротескность и метафоричность, ритмизованность авторской речи, порой напоминающей свободный стих – таким, в частности, было открывающее роман вступление. Композиция и синтаксис «Смерти Вазир-Мухтара» были отчетливо «кинематографичны», в чем несомненную роль сыграла работа Тынянова как теоретика кино. В 1926-м и 1927-м году им были написаны статьи «О сценарии», «О сюжете и фабуле в кино», «Об основах кино» и другие статьи. Как киносценарист он написал сценарии кинофильма «Шинель» в 1926 году и фильма о декабристах «С. В. Д.» («Союз великого дела») в 1927 году в соавторстве с Ю. Оксманом. С кинематографом был связан и замысел рассказа Тынянова «Подпоручик Киж» в 1927 году, первоначально задуманный как сценарий немого кинофильма. Экранизация этого рассказа была впоследствии осуществлена в 1934 году. Анекдотическая фабула была разработана Тыняновым, как универсальная модель служебной карьеры в условиях российского политического быта, а выражение «подпоручик Киж» стало общеизвестным. Максим Горький высоко ценил произведения Тынянова. В архиве Тынянова сохранилось неопубликованное письмо Горького из Сорренто от 24 марта 1925 года, написанное им в ответ на присылку «Смерти Вазир-Мухтара»: «Сердечно благодарю Вас за «Вазир-Мухтара», на днях прочитал. В комплиментах моих Вы, конечно, не нуждаетесь, но все же скажу: хорошая, интересная и «сытная» книга. Удивляет ваше знание эпохи. Четко написаны фигуры Булгарина, Сенковского, кстати — любимца моего.

Превосходно сделан Самсон. Вообще характеры Вы рисуете как настоящий, искусный художник слова, что не мешает Вам быть проницательнейшим историком-литератором, как о том говорит книга «Архаисты и новаторы», в ней — особенно оригинальная статья «Гоголь и Достоевский». Не понравился мне Чаадаев, кажется даже, что Вы обидели его чем-то или он Вас обидел. Грибоедов замечателен, хотя я и не ожидал встретить его таким. Но Вы показали его так убедительно, что, должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет. Сашка — личность, родственная по духу Петрушке Чичикова, так показался он мне, хотя в нем уже заметно величие Смердякова...».

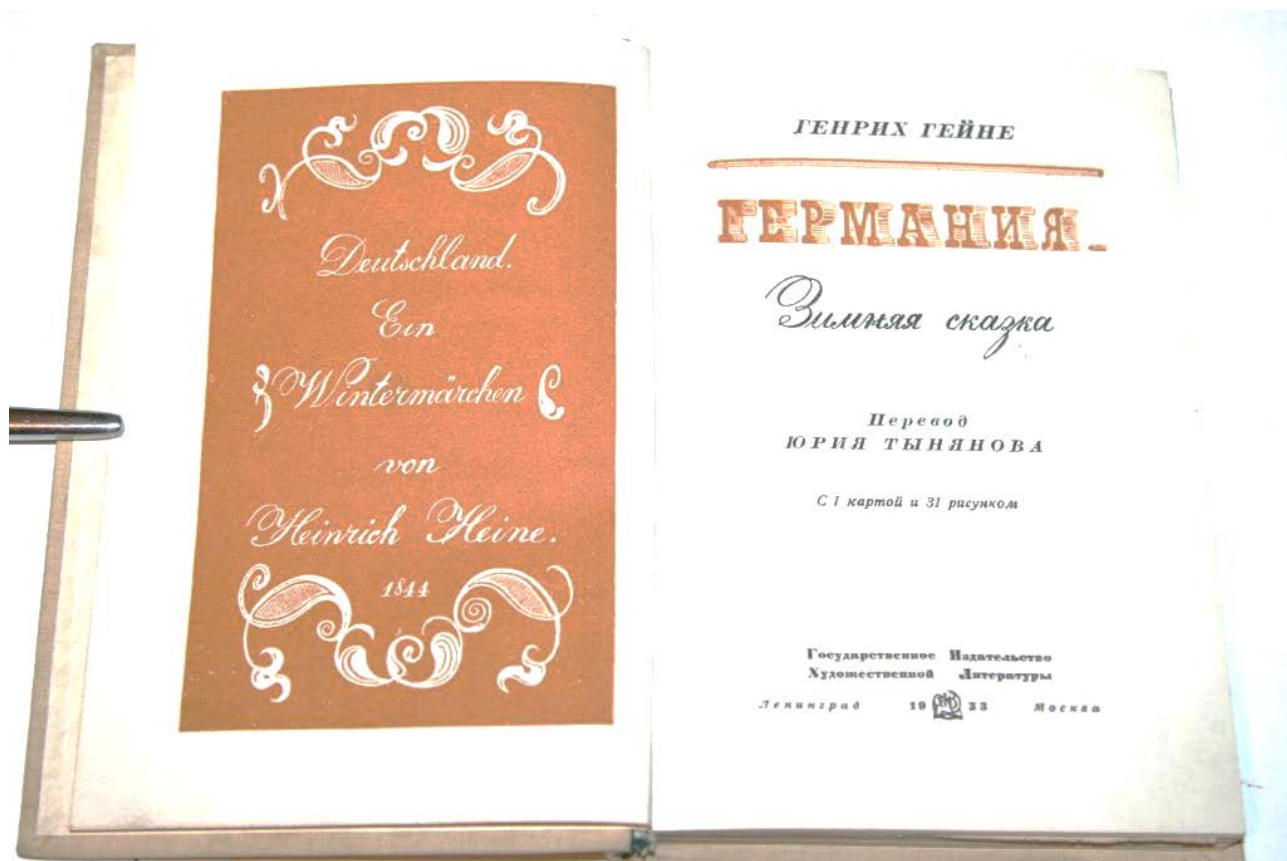
Приобретая широкую известность как прозаик, Тынянов продолжал литературоведческую работу, стремясь обобщить свой исследовательский опыт и сформулировать методологические принципы науки будущего. В 1927 году он опубликовал статью «О литературной эволюции», где обозначил плодотворную методику изучения литературного и социального «рядов» в их взаимодействии.

Осенью 1928 года Юрий Николаевич вместе с семьей выехал в Берлин для лечения, затем встретился в Праге с Р. Якобсоном, планируя с ним возобновление ОПОЯЗа. Итогом встречи стали совместные тезисы «Проблемы изучения литературы и языка». В 1929 году вышел сборник статей Тынянова «Архаисты и новаторы», явившийся результатом его научной и критической работы за девять лет.

С 1931 года Юрий Николаевич активно участвовал в работе над книжной серией «Библиотека поэта», а в 1930-е годы продолжил заниматься биографиями Пушкина, Грибоедова и Кюхельбекера, однако на первый план в его работе отчетливо выходила художественная проза. Это отнюдь не было изменой науке. Разработанная Тыняновым методологическая система была предназначена для многолетнего детализированного развития и для продолжения в обширных коллективных трудах, хотя рассчитывать на это в 1930-е годы не приходилось, и широкое обращение мировой науки к идеям Юрия Тынянова началось только в 1960-е и 1970-е годы. Вместе с тем, у Юрия Николаевича в 1930-е годы появился целый ряд перспективных

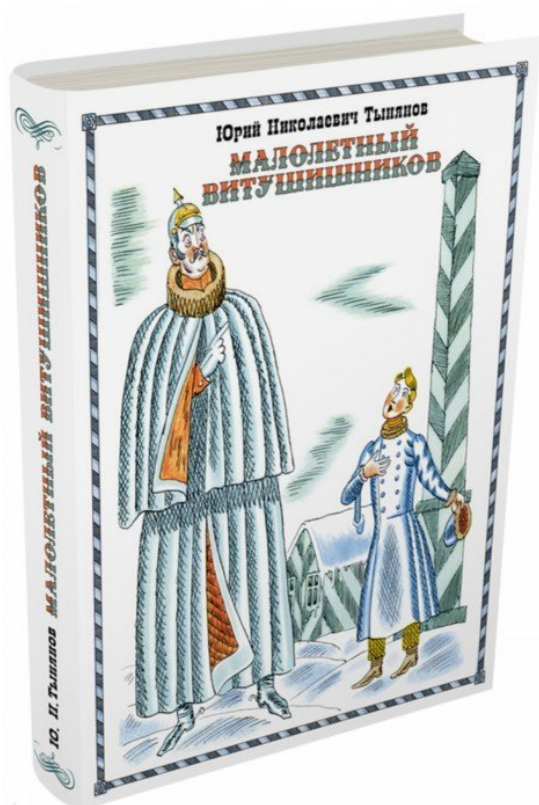
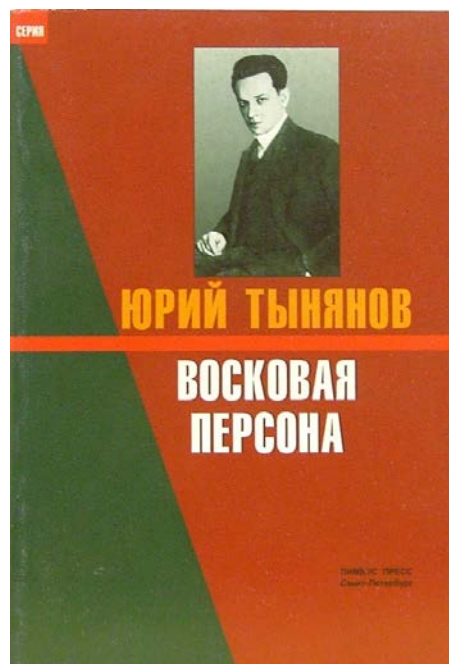
прозаических замыслов, с реализацией которых ему приходилось спешить и многие из которых так и остались неосуществленными. Юрий Николаевич знал о неизлечимости своей болезни и спешил выполнить задуманное. Врачи поставили ему диагноз рассеянный склероз, который медленно, но неуклонно развивался. Именно тогда Юрий Тынянов завел привычку гулять по улицам Ленинграда, но неделя за неделей его прогулки становились все короче – до Сенатской площади (он жил на улице Плеханова), до Адмиралтейства, до Казанского собора, до садика с Воронихинской решеткой. Перед войной он уже с трудом спускался с лестницы, и случалось, что, постояв во дворе, возвращался обратно. Эта страшная болезнь не лишила его душевной бодрости и энергии, живого интереса ко всему, что происходило в стране, в литературе. Он принимал участие в литературных делах ленинградских писателей, и мнение его считалось неоспоримым. Незадолго до войны ленинградские писатели устроили торжественный вечер, о котором стоит упомянуть, потому что это был, в сущности, единственный вечер, когда общественная любовь и глубокое признание Тынянова выразились с необыкновенной силой.

Важной частью многогранной творческой работы Юрия Тынянова стали литературные переводы. В 1927 году вышел сборник Генриха Гейне «Сатиры», а в 1932 году его же поэма «Германия. Зимняя сказка» была издана в переводе Тынянова. В этих книгах раскрылся несомненный поэтический талант Юрия Николаевича, проявившийся также в стихотворных экспромтах и эпиграммах, представленных, в частности, в рукописном альманахе «Чукоккала». Гейне был близок Тынянову аналитическим остроумием, колкой ироничностью в сочетании с затаенной серьезностью, мужественной готовностью к непониманию, свободой от пошлости и показного глубокомыслия. В судьбе Гейне, творившего, несмотря на неизлечимую болезнь, Юрий Николаевич видел прообраз своей собственной судьбы. Все это дает основание считать немецкого лирика четвертым «вечным спутником» Тынянова – наряду с Пушкиным, Грибоедовым и Кюхельбекером.

Кульминацией трагических раздумий Тынянова о русской истории стала повесть «Восковая персона», написанная им в 1931 году. Обратившись к петровской эпохе, писатель начал повествование со смерти императора, сосредоточив затем свое внимание на жизни простых людей, судьба которых оказалась парадоксальным образом связана с одним из начинаний царя-реформатора: солдат Михаил сдавал своего брата, уroda Якова в кунсткамеру в качестве музейного «монстра». Борис Эйхенбаум справедливо увидел в сюжете повести «идейное и художественное присутствие пушкинского «Медного всадника». К этому надо добавить, что в повести Тынянова трагические краски были сгущены, а в разработке образа Петра мотив призрака становился доминирующим. «Философия повести - философия скептическая, философия бессилия людей перед лицом исторического процесса» – писал Л. Цырлин.

«Восковая персона» – своего рода гипербола трагического взгляда на историю, взгляда, исключавшего какую бы то ни было идеализацию и «верхов», и «низов», и власти, и народа. Мотив всеобщего предательства и доносительства, развернутый автором на материале событий 18 века, имел определенное отношение и к эпохе создания повести. Утяжеленная стилистика «Восковой персоны», предельная насыщенность языка архаическими элементами соответствовали содержательной задаче – показать статичность истории, как бы вынося за скобки ее динамическую сторону. «Восковая персона» и сегодня являет собой своеобразное испытание для читателя – испытание глубочайшим сомнением, мастерски воплощенным ощущением исторической обреченности и безнадежности. Эта точка зрения не претендовала на то, чтобы быть единственной истиной, но, безусловно, нуждалась в художественном закреплении.

Иная художественная концепция была представлена Тыняновым в рассказе «Малолетний Витушишников», написанном в 1933 году. В нем был иронически заострен мотив случайности, нередко лежащей в основе крупных политических событий. Выведенный в рассказе Николай I предстал перед читателями игрушкой в руках судьбы, а случайная встреча царя с верноподданным подростком по ходу сюжета обростала множеством легендарных версий, полностью вытесняющих реальную суть происшедшего. Такой же иронией были проникнуты многие прозаические

миниатюры Тынянова, которые он намеревался объединить в цикл «Моральные рассказы».

В начале 1930-х годов Тынянов задумал большое художественное произведение о Пушкине, которое он сам определял как «эпос о рождении, развитии, гибели национального поэта». В 1932 году он начал работу над повествованием о предках Пушкина – «Ганнибалы», успел написать вступление и 1-ю главу. Но вскоре стал делать эту работу заново. В результате первая часть романа «Детство» была опубликована в 1935 году, а вторая часть «Лицей» была опубликована в 1936-37 годах. Над третьей частью «Юность» Юрий Николаевич работал, будучи очень больным -

сначала в Ленинграде, а потом в эвакуации в Перми. Он знал, что умирает, но ему хотелось, чтобы в этой третьей части юность Пушкина была рассказана до конца.

Кроме того, Тынянов глубоко понимал страшное значение фашизма, и ему страстно хотелось принять участие в борьбе, которая велась в те годы. Но что мог он сделать, лежа в постели, пораженный болезнью, медленно сковывавшей это сознание? В те дни, когда под Вязьмой шли ожесточенные бои против немцев, он написал о герое первой Отечественной войны генерале Дорохове, который сражался и побеждал под Вязьмой. Тынянов продолжал работать, лежа в военном госпитале в Перми, потом - в Кремлевской больнице. Пока он мог писать — писал, потом — диктовал. Он работал до последнего дня, до тех пор, пока в нем сохранялись последние крупинки сознания.

В 1943 году Юрий Николаевич был перевезен в Москву, где умер 20 декабря в Кремлевской больнице. Похоронен он был на Ваганьковском кладбище. Елена Александровна Тынянова, верный друг, жена и секретарь, ненадолго пережила Юрия Николаевича – она умерла в 1944 году и была похоронена рядом с мужем.

Несмотря на незавершенность романа о Пушкине, он воспринимается читателями как целостное произведение о детстве и юности поэта, являясь составной частью трилогии Тынянова о Кюхельбекере, Грибоедове и Пушкине. Духовное формирование Пушкина было изображено Юрием Николаевичем в эпически широком контексте, в соотношении с судьбами многих исторических и литературных деятелей. Строя многоплановую панорамную композицию, писатель не прибегал ни к пространно-детальным описаниям, ни к длинным синтаксическим периодам. Роман им писался в лаконичной и динамичной манере, близкой к прозе Пушкина. В отличие от желчной иронии «Смерти Вазир-Мухтара», здесь преобладал светлый юмор. В юном Пушкине автор подчеркивал жизнелюбие, страстность и пылкое творческое вдохновение. В последней части романа Тынянов художественно разрабатывал высказанную им в историко-биографической статье «Безыменная любовь» в 1939 году гипотезу о прошедшей через всю жизнь

Пушкина любви к Е. Карамзиной. Пафос романа был созвучен блоковской формуле «веселое имя – Пушкин», и его оптимистической настрой отнюдь не был уступкой «требованиям эпохи»: при рассказе о дальнейшей судьбе героя автору было сложно избежать трагических тонов. Александр Гольдштейн писал: «Историческое мышление не принесло Тынянову ничего, кроме горя. Хорошо сознавая, что такое история, он ее ненавидел, пытаюсь загородиться наукой, поэзией, дружбой, семьей ли, все эти сферы его измучили, обманули, и оратор сказал на поминках, что Юрий понес свою ношу. Он понял раньше других, что его поколение будет историей сметено, и написал об этом роман. Он понял раньше других, что под внешним давлением оно будет изглодано предательством изнутри, и эту правду выразил тоже».

Памятник Ю. Н. Тынянову в Резекне (Латвия)

Источники

Борис Эйхенбаум. «Творчество Тынянова»

Александр Гольдштейн. «Идеальное государство Тынянова»

Анатолий Якобсон, «Филолог и диссидент, о Тынянове и формализме»

Л. Гудков. «Понятие и метафоры истории у Тынянова и опоязовцев»

Олег Лекманов. «Две заметки о русских формалистах»

Борис Парамонов. «Русский европеец Юрий Тынянов»

Михаил Эпштейн «История и пародия. О Юрии Тынянове»

Игорь Сухих «Тынянов и Кюхля: избирательное сродство»

ТАТЬЯНА ХАЛИНА

Источник <http://chtoby-pomnili.net/page.php?id=1340>